

А.И. Куропятник

ИММИГРАЦИЯ И НАЦИОНАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО: ФРАНЦИЯ

Статья посвящена изучению социальных и культурных последствий иммиграции для современных национальных сообществ. В статье анализируются особенности иммиграции во Франции, проблемы межэтнической, межкультурной и межконфессиональной коммуникации между иммигрантскими меньшинствами и «национальным большинством». Беспорядки в городах Франции в октябре — ноябре 2005 г. рассматриваются не как протест меньшинств против политики «плавильного котла», а как требование формирования адекватной мультикультуральной социальной политики, необходимой частью которой является иммиграционная политика.

Волну насилия и экстремизма, охватившую Францию в конце октября 2005 г., можно было бы назвать борьбой исламских этнических сообществ против холодной рациональности французской политики «плавильного котла». Действительно, развивающийся на глазах социальный конфликт носит ярко выраженный межрасовый, межкультурный, межэтнический и межрелигиозный характер. Налицо активное противостояние иммигрантских меньшинств политкорректному, молчаливому национальному большинству. Однако рассматривать его лишь как следствие неудачной политики интеграции этнических сообществ иммигрантов в принимающее национальное общество Франции было бы неправомерно: выступления иммигрантов носят социально-политический характер и являются результатом непродуманной иммиграционной политики государства. Подобные события могли (и могут) произойти в любой экономически благополучной демократической стране, которая беспечно относится к проблемам миграции и не рассматривает иммиграционную политику в качестве важного компонента социальной политики государства.

1. События во Франции в контексте европейской интеграции

Как представляется, данные события следует рассматривать не как «особый случай Франции», но как проблемную ситуацию, развивающуюся в контексте общих тенденций социально-политического, экономического, демографического и культурного развития стран Западной Европы в последние несколько десятилетий (Куропятник 2000: 65–83). Характерной особенностью этого развития является затянувшаяся на четверть века ситуация выбора между политикой мультикультурализма и своеобразным вариантом западноевропейской национальной исключительности. Основная трудность состоит не в том,

чтобы включить многочисленных иммигрантов в структуру определенного европейского общества на принципах индивидуальной интеграции, а в том, чтобы переосмыслить характер современного западноевропейского национального сообщества как полиэтнического и культурно-плюрального, вся палитра коммуникативных стратегий которого, как внутренних, так и внешних, детерминирована идеей мультикультуральности. Мы действительно «больше не живем в обществах, где культурная разность должна быть либо исключительно внешним фактом, либо соединением “на расстоянии” одних с другим» (Вивьерка 2004: 179). К сожалению, как на уровне политики, так и в социальной теории мультикультурализм, мультикультуральное общество были осмыслены в странах Западной Европы (и в России) не как перспективные концепты социальной политики, но как форма, гарантирующая беспроблемное включение в структуру исторически сложившейся европейской нации этнических, расовых и религиозных меньшинств, сформировавшихся в их границах в результате иммиграции. На фоне исторической этнокультурной гомогенности национального общества в западноевропейских странах, являющегося важным отправным моментом рассуждений о перспективах их национального и мультикультурального развития, угроза «этнизации» и культурной плюрализации привычного социального и культурного мира стала самым важным аргументом в пользу выбора традиционной модели интеграции, а именно в пользу организованной государством ассимиляции. Особую тревогу вызвало то обстоятельство, что крупные группы новых этнических меньшинств нашли возможность обосновывать свои культурные, этнические, религиозные притязания в контексте коллективных прав и требовать от культурного большинства уважения и социально-правового признания.

Понятно, что постановка подобной проблемы требует пересмотра всех отношений между европейской культурой, в самом широком смысле этого термина, т. е., включая в него североамериканский, западно- и восточноевропейский ее варианты, и неевропейскими культурами, значительная часть которых находится в состоянии кризиса. Этот кризис не является результатом только конфронтации «богатых» и «бедных». Он не вызван также исключительно колониальным прошлым неевропейских регионов и народов. Основная причина кризиса в отношениях между европейцами и неевропейцами, между европейской и неевропейскими культурами кроется, вероятно, в том, что схемы взаимных восприятий, стереотипы мнений о культурах населения стран «третьего мира» не согласуется «в европейском измерении» с познаваемой ими действительностью. Набирающая силу ксенофобия в среде населения индустриально развитых государств, вызванная иммиграцией из бывших колоний и доминионов, не всегда позволяет людям осознать, что европейская действительность стала мультикультуральной, динамической, неустойчивой и противоречивой.

Более того, бывшие колониальные или зависимые от патерналистской политики государства народы заметно продвинулись по пути прогресса. Сегодня они претендуют на участие в политической жизни европейских обществ и мирового сообщества на равных основаниях с народами бывших метрополий. Проблема взаимного понимания, бесконфликтной межкультурной коммуникации связана с кризисом европейского самосознания. Его выражением является несоответствие между признанием чужих культур как самостоятельных и европоцентристскими мерками по отношению к ним. «Источник кризиса находится, таким образом, в Европе», — подчеркивает Г. Эйхберг. Он отражается в сознании и социальной практике европейцев, состоящей в оценочном подходе к культурам, в построении «наивных этноцентрических» дихотомий, когда европейские культуры и западная цивилизация в целом определяется как «динамичная», «сильная», «прогрессивная». По отношению к культурам неевропейских стран и народов используются, напротив, такие трактовки, как «традиционные», «несовременные», «рутинные», «магические». Они

сопровождаются эпитетами: «бедная», «неразвитая», «больная», «отсталая», «непродуктивная», «летаргическая» (Eichberg 1978: 40–41). Как заметил в этой связи Ю. Хабермас, «западным странам еще многому нужно научиться в понимании межкультурных отношений между регионами и народами» (Habermas 1993: 28). Наряду с другими задачами, такими, например, как вопросы предоставления гражданства иммигрантам, политическая и социальная саморефлексия, осознание факта этнокультурной плюральности становится основной проблемой, с которой правительства различных государств начинают активно работать.

Франция как, впрочем, и другие западноевропейские страны, является одним из основных идеологов европоцентризма, сопряженного с наследием недавнего колониального прошлого (Бузар 2004: 296). Вследствие этого она стала заложницей собственной политики «национальной исключительности». Ее сущность состоит в том, что формирование западноевропейской нации, национального общества происходило под знаком ассимиляции и подавления, с одной стороны, коренных культурных и языковых меньшинств в регионах самой Франции, с другой — дискриминации и безусловной ассимиляции иммигрантов. Экспансивный вариант «гражданской инкорпорации», практикуемый в западноевропейских странах в целом и, в частности, во Франции, почти автоматически превращает уже второе поколение иммигрантов во французов, что является отражением приверженности французской национальной идеологии принципам ассимиляционизма и централизма (Brubaker 1996: 12–13, 14). Любые этнические образования рассматриваются здесь с точки зрения их соответствия идентичности и культуре национального французского большинства. Однако западноевропейская социальная реальность такова, что в недрах индивидуализированных, либеральных западных обществ с присущими только им формами социальности и гражданской лояльности сформировались новые сообщества иммигрантов. Их отличительной особенностью является этнокультурная и религиозная партикулярность, многократно усиленная в принимающей среде дистанцированием представителей национального большинства, равнодушием и высокомерием официальных структур, дискриминацией, помноженной на понимание бесперспективности полноценной социальной интеграции даже в отдаленном будущем. В ситуации взаимного непонимания и взаимной сегрегации требования государства следовать общепринятым правилам, ценностям и нормам жизни в принимающем обществе сопровождаются европоцентристскими интерпретациями религии, в частности, ислама, образа жизни, форм коммуникации и социального статуса иммигрантов. Политическая элита Франции старается не придавать значения тому факту, что иммигранты второго и третьего поколений, имеющие французское гражданство, находятся не в «принимающей стране», а у себя на родине. Все это способствует не только укреплению культурной, религиозной идентичности членов иммиграционного сообщества (или сообществ), но делает относительной саму идею национальной идентичности. Затянувшаяся ситуация выбора между адекватной политикой интеграции общества и политикой «плавильного котла» может свидетельствовать также о том, что невозможность признания факта этнокультурной плюральности «своего» общества национальным большинством и правящей элитой противоречит фундаментальным ценностям западной цивилизации — идеям свободы, равенства и справедливости. Партикулярное национальное сообщество, — западноевропейская нация, — развивающееся на принципах демократии и либерализма, «не может допустить равенства национальных меньшинств с основной нацией, образовавшей государство, ибо при этом государство перестает быть национальным, то есть вступает в противоречие с основным началом своего существования» (Актон 2002: 49).

В отличие от Западной Европы, политика США по отношению к иммигрантам отличается значительно большей решительностью и ясностью. Здесь иммигранты уже во втором поколении отвечают основным требованиям политики национальной интеграции: они

говорят по-английски, имеют американскую идентичность, уверены в том, что упорным трудом можно добиться материального достатка и социального признания независимо от этничности, расы и конфессиональной принадлежности.

Как отметил К. Клакхон, «в связи с традиционной ассимиляцией иммигрантов и высокомерной гордостью за свою культуру, американцам особенно сложно понимать другие культуры» (Клакхон 1998: 273). Подобных успехов французская политика ассимиляции перестала достигать уже в 1960-е гг. И если в США наряду с традиционными и наиболее значимыми социальными ценностями — свободой, равенством — в национальную идеологию в последние годы включены этничность, этническая культура, этническое сообщество как важные, позитивные ее компоненты, обеспечивающие устойчивое развитие полиэтничного общества, то во Франции, Германии, Голландии, Великобритании и других странах этничность, раса или иная локальная культура — это угроза национальной независимости. В настоящее время Франция переживает опасность двоякого рода: с одной стороны, она боится ассимиляционного воздействия на нацию, французскую идентичность, иммигрантов, а с другой — ассимиляционного влияния Европейского союза. Современное французское государство, будучи составной частью системы национальных государств, образовавших Евросоюз, конечно же, вынуждено следовать алгоритмам той общеевропейской политики, которая формируется в коллективных интересах Сообщества. Однако сама эта политика не является свободной от противоречий и застарелых внутрисоюзных конфликтов, накопленных каждым членом Евросоюза за свою историю. Почти все национальные государства Европы, вошедшие в Европейский союз, не решили на национальном уровне проблему интеграции иммигрантов и проблему коренных национальных меньшинств, требующих в ряде случаев признания родного языка и родной культуры частью национальной культуры государства (русскоязычное население в Латвии, Эстонии), особых политических прав и даже независимости (провинция Каталония в Испании, Страна басков, корсиканцы во Франции). Дискурс неудавшейся политики интеграции иммигрантов, сформированной на основе давно устаревшего принципа «нация-государство», перекрыт политикой общеевропейской интеграции. Для национальных государств членство в Евросоюзе — это способ решения общих для Европы политических, экономических и социально-демографических проблем, для коренных национальных меньшинств — это возможность реализации «принципа национальности» в форме автономии. Сообществами иммигрантов идея единого европейского пространства, в противоположность мнению значительной части населения национальных «обществ большинства», была воспринята, с одной стороны, как шанс достижения равноправия, социальной справедливости и признания коллективных прав культурных и этнических сообществ в контексте общеевропейской политики интеграции, с другой — как возможность создания транснациональных религиозных и культурных объединений в границах единой Европы.

Как известно, основная политическая, экономическая и идеологическая нагрузка по организации и упорядочению жизни в Европейском союзе, стремительно расширяющем свои политические границы, пришлась на западноевропейские страны — Францию, Германию, Великобританию, Испанию, Португалию, Италию, Бельгию и Голландию. В настоящее время они испытывают значительные трудности, вызванные, с одной стороны, процессами реорганизации национальных экономик в пользу единой экономической системы Евросоюза, с другой — давлением иммиграционных потоков, движущихся уже не только в направлении «Юг – Север», как это происходило в 1950–1980-е гг., но и в направлении «Восток – Запад». Одна только Германия в последние 15 лет приняла около 3 млн. иммигрантов. В исторически короткий период в границах западноевропейских национальных государств пересеклись две невиданных по масштабам иммиграционных волны. На фоне проблем, связанных с

созданием общеевропейского дома, это не замедлило сказаться на обострении, а в ряде случаев существенном ухудшении социальной, политической и экономической ситуации в виде роста безработицы, заметного снижения уровня социальной защиты, пенсионного обеспечения, сокращения расходов на образование и государственные социальные программы. Первыми этот удар ощутили на себе иммигрантские сообщества. Именно на их долю выпал наибольший процент безработных, а сокращение размера государственных социальных пособий многих из них поставило в отчаянное положение. Социетальные сообщества, созданные иммигрантами разных поколений в границах западноевропейских принимающих обществ уже к началу 1990-х гг., в сложившихся условиях получили новый импульс саморефлексии, а также мощный стимул к протестным выступлениям. Главным арбитром в их отношениях с национальными государствами являются общеевропейские политические структуры. Неудача с Конституцией Евросоюза противоречила интересам иммигрантских меньшинств. С этой позиции иначе видится политическая география недавних европейских событий. Голландия, проголосовавшая против Европейской конституции, была потрясена убийством кинорежиссера Тео Вангога, Великобритания, отложившая референдум, пережила июльские взрывы в Лондоне, Франция, отвергшая Конституцию объединенной Европы, запылала в огне в октябре.

Развитие демократии в странах Западной Европы в послевоенные десятилетия способствовало становлению весьма любопытного и на первый взгляд вполне демократичного варианта публичного обсуждения социальных, культурных, этнических и религиозных проблем в терминах «политической корректности». Немцы старались не вспоминать о своей национальной культуре, поскольку последняя активно эксплуатировалась нацистской идеологией. Французы отказались использовать в средствах массовой информации и научных дискуссиях такие термины, как этнические меньшинства, этнические группы иммигрантов, «иммигрантские гетто». Этническая терминология, широко используемая в англоязычной научной литературе, известна во Франции лишь узкому кругу специалистов, а такие понятия, как «этничность», «этно», «этнический», «этнос», «этническая группа», никогда не используются даже в политической риторике для обозначения социальных или региональных групп населения. Во Франции никто не сможет понять фразу — «мы являемся этнической группой», которую иногда употребляют для обозначения жителей Антильских островов или Новой Каледонии, являющихся заморскими провинциями французского государства, лидеры их национальных движений. Чтобы отразить новые социально-политические реалии в жизни общества, в котором реально сформировались этнические и культурно-языковые меньшинства, французские социологи и антропологи используют такие термины, как «мультикультурный», «поликультурный» и крайне редко термин «полиэтнический». Понятие же «этнический» употребляется только по отношению к аборигенным народам и группам населения других стран, ведущим традиционный образ жизни (Verbunt 1990: 73–74).

Однако «политкорректность» не отменила геттоизации пригородов крупных промышленных городов Франции, этнической и религиозной гомогенизации (или явной тенденции к этому) не только кварталов провинциальных центров, но и целых районов столичных городов Западной Европы — Лондона, Мадрида, Брюсселя, Берлина, Вены и т. д. Политкорректность не сняла, а отложила на неопределенное время обсуждение и решение социальных, религиозных и культурных проблем, возникавших на «границах» непосредственного контакта европейцев с представителями иных культур и конфессий. Более того, в контексте политики ассимиляции или «интеграции», как ее стали называть в Западной Европе в 1990-е гг., «политкорректность» способствовала процессу взаимной сегрегации национального большинства и иммигрантских меньшинств, разделения их на два взаимно-изолированных культурных мира.

Дискурс мультикультурализма, получивший развитие в Германии, Голландии, Англии, Франции, Бельгии, Швеции и других странах Западной Европы в 1980-е гг., явился своеобразной попыткой осознать новые возможности развития национальных обществ в ситуации нарастающей культурной плюральности. Однако идея мультикультурализма вызвала обратную тенденцию — усиление правых движений и развитие идеологии культурного фундаментализма в среде «национального большинства», основными лозунгами которого стали требования «чистоты расы» и «чистоты культуры» (Куропятник 2000: 84–162). Иммигрантские сообщества, в свою очередь, выдвинули требования признания их религии и культуры составной частью культуры общества, в котором они родились и выросли.

Таково в целом проблемное поле современного европейского политического и социально-культурного пространства, на фоне и под влиянием которого происходят экстремистские выступления иммигрантских меньшинств во Франции.

2. Французское государство и иммиграция в первой половине XX в.: политика «внутренней колонизации»

Как известно, Франция одной из первых среди западноевропейских государств стала ввозить иностранную рабочую силу (Hoehne 1994: 121). Уже в конце XIX в. здесь находилось около 1 млн. иммигрантов-рабочих. В основном это были выходцы из Германии, Италии, Бельгии, Испании и Швейцарии (Wenden 1991: 25–29; Арзаканян 1989: 84). В начале 1920-х гг. Франция занимала второе место после США по объемам и темпам иммиграции. На фоне других западноевропейских государств, где развивались скорее эмиграционные, чем иммиграционные процессы, она представляла собой известное исключение, обусловленное ее политической историей, особенностями развития экономики, а также весьма низким естественным приростом населения. Так же, как и США, Франция в первые десятилетия XX в. ориентировалась на приток иммигрантов в первую очередь из европейских государств. Прием европейцев-рабочих из соседних стран был обусловлен двумя важными обстоятельствами: во-первых, запретом на массовую иммиграцию «цветного» населения из «заморских» колоний, в частности из Африки и Азии (в начале XX в. это было характерно также для стран классической иммиграции: Австралии, Канады, США), во-вторых, потребностями покрытия демографического дефицита страны, увеличения численности трудоспособного населения за счет притока иммигрантов, близких к французам в языковом и культурном отношении.

В начале XX в. важной причиной сокращения естественного прироста населения страны, помимо эмиграции в колонии, явилось французское парцеллярное землевладение. Нежелание крестьян дробить землю среди большого количества наследников привело к заметному сокращению рождаемости в сельских районах, что замедляло естественный прирост всего населения Франции (Арзаканян 1989: 84). Демографическая ситуация заметно ухудшилась после Первой мировой войны, в которой Франция потеряла почти 1,5 млн. человек. В этот период неконтролируемая государством иммиграция, находившаяся на периферии политической жизни страны, позволяла компенсировать дефицит рабочей силы и частично решать демографические проблемы. Однако взрослым населением страны волна иммигрантов уже тогда воспринималась как своеобразное давление на французский рабочий класс, который считал их конкурентами за рабочие места, жилье и социальное обеспечение. В иностранных рабочих видели людей, которые «хотели воспользоваться богатством нации» (Wenden 1991: 225).

Проблема этнокультурной плюрализации страны в это время не поднималась ни в политических дебатах, ни общественным мнением, поскольку иностранцы европейского

происхождения сравнительно легко ассимилировались французским обществом. Особенно легко процессы социальной интеграции происходили в среде франко-бельгийцев, итальянцев, франко-швейцарцев и итало-швейцарцев, испанцев, родной язык которых, так же, как и французский, принадлежал к романской языковой семье (Арзаканян, 1989: 87). Культурная близость иммигрантов-европейцев способствовала тому, что они быстро поддавались ассимиляции, сравнительно быстро переходили на французский язык и принимали французскую идентичность. Европейская иммиграция не представляла в связи с этим серьезной угрозы национальному своеобразию французской культуры и французской нации. Смена идентичности иммигрантами в значительной степени облегчалась во Франции еще и тем, что этническая специфика культуры, этническое происхождение индивида или группы не признавались в этой стране как социально значимые. Национальная идентичность, так же, как понятие нации, имела здесь исключительно социально-политическое значение и понималась как «согражданство».

Как известно, уже в ходе революции 1789 г. была сформулирована основная идея французской нации как государственно-политической общности (Лебон 1995: 20–21). Этническая принадлежность, а также этническая самоидентификация коренных меньшинств Франции была исключена из политического лексикона, а сами меньшинства не признавались как потенциальные субъекты политического права и на этом основании были устранены из процесса построения национального государства и формирования нации. По отношению к ним республиканским правительством применялась политика ассимиляции и «внутренней колонизации». Двухвековая история политики французского «плавильного котла» по отношению к коренным этнокультурным и региональным меньшинствам способствовала также возникновению специфически французской модели социальной интеграции иммигрантов. Действительно, Франция принимает индивида, а не члена определенной этнической группы. Принадлежность к французскому обществу осознается через приверженность универсалистским ценностям республики и определяется как гражданская национальная принадлежность. Таким образом, вместо альянса коренных «национальностей», которые могли бы как исторически сложившиеся на территории Франции общности претендовать на особую роль в создании французской нации, особый статус в ее структуре, ее единственным реальным социальным основанием явилось сообщество граждан. Тем самым из социально-политической практики Франции была исключена идея этнической общности и идеология этнического единства, т. е. были сведены к минимуму все возможные в исторической перспективе притязания этнических групп и меньшинств на создание собственной нации, — в том смысле, в каком эту проблему понимает Э. Геллнер, говоря, что на «земле существует огромное количество потенциальных наций» (Геллнер 1990: 121), превращения Франции в федерацию мелких государств, проект которой историки приписывают жирондистам (Сиджански 1998: 207), предотвращая этой мерой, закрепленной в конституции и правовой системе государства, рецидивы разрушительного этнического национализма меньшинств.

Понятно, что официальное признание различных «этничностей» членов одной нации существенно затруднило бы формирование культурно-языкового и государственного единства французского народа, его национального самосознания. Как заметил Д. Сиджански, «французы долго жили под страхом наступления федерализма, который, казалось, угрожал распадом республики, единой и неделимой. Это была боязнь возможного ослабления центральной власти в стране с унитарной системой, в стране, которая отличается своим разнообразием и в географическом положении, и в культуре, и в наличии девяти языков и более 400 сортов сыра» (Сиджански 1998: 207). Подобный взгляд на будущее французского государства противоречил «высокому смыслу термина «нация», — пишет по этому поводу Э. Хобсбаум, — который ассоциировался в первую очередь с крупным

государством и который как форма организации уступает по своему совершенству лишь всемирному сообществу, мелкие народности, такие, как сицилийцы, бретонцы, валлийцы, которые имели невысокий потенциал культурной и экономической жизнеспособности, не могли серьезно рассматриваться в качестве претендентов на самостоятельное национальное государство» (Хобсбаум 1998: 52–53).

Одновременно с устранением этнического фактора из процесса формирования нации ее социально-психологическая граница (общая идентичность) была приведена в соответствие с границей политической, т. е. границей государства (Wallerstein 1986: 16). Это обстоятельство явилось важным условием трансформации региональных, этнических и культурных идентичностей населения Франции. Постепенно они замещались сознанием общенациональным, что являлось отражением процесса культурной «стандартизации», унификации населения страны, т. е. устранения внутренних этнокультурных границ и установления внешней, отчетливо выраженной социокультурной границы по отношению к другим национально-государственным образованиям. Со времен Французской революции осознание коллективной принадлежности носит название «народ» или «нация» (Hoffmann 1994: 258). В этих терминах объективируется коллективная идентичность всех членов национальной общности, позволяющая рассматривать Францию как «политически концентрированную нацию» (Schubert 1994: 174–177).

Таким образом, французская нация, выросшая на универсалистских идеях Рима и однажды отринувшая этническое происхождение как политический принцип, спустя два века столкнулась с той же проблемой, но уже в лице тех групп населения, которые должны были бы испытывать чувство признательности за разделенный с ними общий дом и высокие стандарты культуры. Следование Франции прежней модели национальной интеграции можно объяснить лишь верой в то, что высокий уровень централизации политической, экономической и культурной систем государства еще мог сохранять необходимый ассимиляционный потенциал французской культуры и французской идентичности, которые исторически оказывали более сильное разрушающее воздействие на этнические группы, языки, религии и культуры меньшинств, чем это имело место в других странах. В соответствии с этим Франция оказалась закрытой для универсалистских идей. Отказавшись от этнической идеологии, и развивая универсалистские постнациональные формы совместной жизни, она стала невосприимчивой к происходящим в недрах либеральных обществ изменениям. Французская нация уже с 1789 г. хотела «выглядеть больше, чем народ, соответственно, постнациональное общество там было бы больше, чем общество без этнического национализма» (Thadden 1991: 496).

В этом плане французская идеология действительно оказалась подчиненной влиянию многочисленных исторических факторов. «Долгие годы, — пишет в этой связи французский социолог Ж. Вербунт, — ассимиляция иммигрантов рассматривалась во Франции как естественный процесс и, следовательно, не было соответствующей проблемы — дать ей общественное или научное объяснение. В социальных науках речь о меньшинствах не шла. Ученые говорили исключительно о нации» (Verbunt 1990: 81).

Стратегия «внутреннего колониализма», вполне оправдавшая себя на практике, стала использоваться во Франции и по отношению к иммигрантам. Политика «интеграции по-французски» означает реализацию двух основных стратегий правительства по отношению к иммигрантам — либо выслать из страны, либо заставить сменить идентичность. Ассимиляция с этой точки зрения представляется на официальном уровне как освобождение от наследия колониального прошлого — с одной стороны, а с другой — как преодоление ситуации внутреннего колониализма. В первом случае имелось в виду символическое извинение французов перед угнетавшимися ими народами в форме политики «гостеприимства» уже на своей территории, а во втором — стремление избежать повторения

тяжелой и неблагодарной работы по ассимиляции культурных и этнических сообществ меньшинств. Непременным результатом этих усилий должно было быть обязательное обретение общенациональной идентичности и согласие с тем, что ассимиляция — это несомненный путь к успеху (Балибар, Валлерстайн 2004: 36). В действительности, эта политика представляла собой скрытую форму расизма. «Каждый народ, — отмечает Т. Фадеева, акцентируя внимание на «скрытом расизме» подобного подхода, — выражает себя в своей, только ему присущей культуре, он образует некий органический сплав, отталкивающий все чужеродные элементы, которые неизбежно подрывают социальную сплоченность. Негативное влияние чужих культур (не низших или высших, а просто других) должно быть “погашено” либо путем “ассимиляции”, либо устранения» (Фадеева 1990: 66).

Дальнейшее усложнение этнокультурного состава населения страны в 1920–1930 гг. привело к тому, что политика и отношение общества к иммиграции стали существенно меняться. Прежде всего, подчеркнем, что иммиграция в этот период приобрела контролируемый государством характер, поскольку численность иммигрантов выросла в короткие сроки с 1 млн. до 3 млн. человек. Оставаясь по характеру европейской, в основном итальянской, иммиграция претерпела важное изменение, так как в ее структуру вошли довольно многочисленные группы иммигрантов из Северной Африки, завезенные во Францию торговцами-кабилами. В середине 1930-х гг. количественные параметры этнической структуры французской иммиграции определяли главным образом европейцы. Численность итальянцев составляла 850 тыс. человек, испанцев — 650, поляков — 500, бельгийцев — 200, выходцев из стран Магриба — 125, немцев — 70, выходцев из России — 70, португальцев — 47, чехов и словаков — 40, турков — 35, армян — 29, швейцарцев — 8 тыс. человек (Арзаканян 1989: 86; Wenden 1991: 227). Турецкая иммиграция, а также приток населения из стран Северной Африки: Туниса, Марокко, Алжира, отличавшегося не только культурными, но и расовыми особенностями, не мог не вызвать среди французского национального большинства известной ксенофобии, предвосхищения трудностей, которые предстояло преодолеть обществу по «превращению» кабийского и чернокожего населения страны во французов. Основная сложность интеграции состояла в том, что общественным мнением отчетливо осознавалась невозможность одновременной ассимиляции многочисленных групп иммигрантов и сохранения французской идентичности (Lenzen 1991: 148).

В эти годы отношение большинства населения страны к выходцам из Африки оформилось как «антиарабизм». Социальная дистанция и известная неприязнь к ним не имели отчетливо обозначенных дифференцирующих признаков и носили преимущественно социально-психологическую природу. Стигматизация неевропейцев стимулировалась «экзотикой», вошедшей в повседневную жизнь французского общества в виде торговцев-арабов, ходивших по улицам Парижа, Марселя, Лиона, Лилля с накинутыми на плечи коврами, платками и другими товарами. В этнической иерархии иммигрантов алжирцы, тунисцы, марокканцы прочно заняли самую низшую ступеньку. На ее вершине находились бельгийцы, затем итальянцы, испанцы, поляки, португальцы и русские. Это были группы, принадлежавшие к европейской культуре и цивилизации, и уже только поэтому они позитивно воспринимались французским национальным большинством (Wenden 1991: 226).

Иммигранты из Африки, напротив, воспринимались через набор антииммигрантских стереотипов, например, через рост преступности. Так, по данным исследований французских социологов, по количеству совершаемых преступлений они в 15 раз превосходили французов, в 4 раза поляков, в 3 раза итальянцев. За ними закрепились такие «дистанцирующие» их от национального большинства стереотипы, как «плохой работник», «лентяй», «грязный», «больной». Эти характеристики стали важными отличительными

параметрами нефранцузской идентичности, приписываемой извне группам африканских и иных неевропейских иммигрантов (Wenden 1991: 228–229).

3. Иммиграция и иммиграционная политика во Франции во второй половине XX в.

Дальнейшее развитие неевропейской иммиграции в послевоенные годы привело к тому, что этническая структура стала особенно заметно меняться в пользу неевропейцев. Если в 1920–1930-е гг. она считалась преимущественно итальянской, из-за преобладания выходцев из Италии среди иностранных рабочих, то к концу 1960-х гг. суммарная иммиграция из стран Северной Африки превысила иммиграционный поток из отдельных европейских государств, традиционных поставщиков рабочей силы. Только в период с 1946 по 1964 г. численность населения Франции выросла с 40 до 50 млн. человек, причем значительную долю иммигрантов составляли уже неевропейцы. По справедливому замечанию немецкого социолога К. Хене, «без иммиграции, происшедшей в XX в., население Франции составляло бы не 57, а 45 млн. человек (Hoehne 1994: 121).

Экономический «нефтяной» кризис 1973 г., рост безработицы среди иммигрантов вызвали к жизни практически во всех европейских государствах антииммиграционное законодательство, направленное против неквалифицированных рабочих из стран «третьего мира» (Flohr 1994: 35–38). Оно было обусловлено опасениями социального взрыва задолго до кризиса пригородов, о котором говорят сегодня. «В самом деле, — подчеркивает С. Погам, — угроза потери рабочего места в обществе наемного труда, ранее стабилизированном и относительно защищенном, начала к концу 70-х годов вызывать коллективную тревогу» (Погам 1999: 143). Несмотря на принятые меры, неожиданным результатом иммиграционного законодательства явился резкий рост нелегальной иммиграции.

Так, уже к началу января 1975 г. иммигранты составляли во Франции 7,7 % от общей численности населения страны, или, в абсолютных цифрах — 4 млн. 205 тыс. человек. В этнической структуре иммиграции преобладали уже выходцы из Алжира — 871 тыс. человек. Неевропейский характер иммиграции усиливался ростом численности марокканцев — 302 тыс. человек и выходцев из Туниса — 162 тыс. человек. Доля «цветных» иммигрантов составила, таким образом, почти треть рабочих иностранцев (Арзаканян 1989: 89–90; Gebauer, Taureck, Ziegler 1993: 166).

Однако в действительности их численность была значительно выше. Так, в начале 1990-х гг. во Франции проживало постоянно уже 1,5 млн. иммигрантов только из стран Магриба. С учетом их детей, родившихся в этой стране и пока еще не получивших паспорт, количество иммигрантов из государств Северной Африки оценивается в 3 млн. человек. Поэтому многие французы рассматривают иммигрантов из Магриба как угрозу французской культуре, французской идентичности, будущему французского государства. Иммиграция уподобляется французами «слепому шторму», который разрушает гуманистические европейские ценности и заменяет их архаичными формами культуры, социальной коммуникации и организации жизни в целом. В связи с этим, даже несмотря на сравнительно продолжительный период сосуществования в границах одного государства, на шкале симпатий национального большинства к рабочим-иностранцам алжирцы, тунисцы, марокканцы занимают последнее место. Особенно низкий рейтинг имеют алжирцы из-за стремительного увеличения численности этой группы в последние два десятилетия (Flohr 1994: 41–42). Важной причиной резкого ухудшения отношений между французским национальным большинством и иммигрантами-африканцами стало то, что миф о неизбежном возвращении иностранных рабочих на родину, просуществовавший во Франции вплоть до 1974 г. (Galembert 1991: 187), потерял свою былую привлекательность в общественном сознании.

4. Иммиграция как способ решения демографических проблем

Уже к концу 1970 – началу 1980-х гг. во Франции произошла существенная переоценка позитивного значения иммиграции для улучшения демографической и социально-экономической ситуации в принимающих странах. Исследования французских демографов и социологов показали, что иммиграцию нельзя рассматривать как долговременный фактор стабилизации демографических процессов и «омоложения» рынка труда. Дело в том, что семьи иммигрантов очень скоро в новых социально-экономических и культурных условиях принимающей страны по своей численности становятся весьма близкими по числу детей в семьях «национального большинства». Тем не менее, иммигранты демонстрируют неевропейскую модель рождаемости. В более широком контексте можно говорить о том, что они приносят с собой в принимающее общество не только свою культуру и религию, но и особый вариант демографического поведения.

Так, по данным французской статистики, у португалок, проживающих во Франции, количество детей уменьшилось в период с 1968 по 1982 г. с 4,9 до 2,17 соответственно. У алжирок, имевших в 1968 г. в среднем 8,9 детей, в 1982 г. число их сократилось до 4,29. Тенденция роста рождаемости наблюдалась в этот период только у самых поздних по времени мигрантов — марокканцев, женщины этой этнической группы имели в 1968 г. в среднем 3,32 ребенка — в 1982 г. 5,23 соответственно. Если сравнить средние показатели рождаемости у иммигрантов с рождаемостью у французов, то и в одном, и в другом случаях имеет место тенденция к снижению. Например, среди иностранок-иммигранток в 1968 г. число детей составило в среднем на одну женщину — 4,01, у француженок — 2,5 ребенка. В 1982 г. у первых среднее количество детей сократилось до 3,2, у вторых — уменьшилось до 1,84. Между тем общая тенденция к снижению числа детей во французских и иммигрантских семьях не изменила общую пропорцию темпов репродукции у различных этнических групп. Исламское население страны имеет более высокую рождаемость, в связи с чем, уже в начале 1990-х годов дети иммигрантов составили 10 % от общего количества детей (Потемкина, Грацианская 1998: 43).

Подобная тенденция изменения количественных параметров семьи иммигрантов в пользу «среднестатистической» семьи принимающего государства известна также и в других европейских странах. Так, например, в Великобритании число детей в семьях иммигрантов с Антильских островов в период с 1969 по 1974 г. уменьшилась с 4 до 2 человек. Таким образом необходимая численность работоспособного населения на рынке труда не могла быть достигнута только за счет демографического прироста в семьях европейцев. К тому же, не оправдались надежды, возлагавшиеся правительствами европейских стран, на общий естественный прирост населения за счет многодетных семей иммигрантов. Прием новых «граждан», таким образом, не привел к радикальному «омоложению» принимающего общества (Gebauer, Tauck, Ziegler 1993: 164–165). Именно поэтому такие страны, как Франция, Германия, Великобритания, вынуждены были констатировать факт постоянной потребности в рабочих-иностранцах для обеспечения поддержки высоких темпов индустриального развития. Лишь сохранение прежнего характера иммиграционной политики позволяло решать эту задачу.

Известные ограничения иммиграционного притока населения, как уже отмечалось, не дали ожидаемого результата. Кроме того, нелегальная иммиграция, являвшаяся весьма выгодной для развития крупной промышленности и экономики страны в целом, стала негласно поощряться правительственными кругами, в связи с чем «французское правительство не предпринимало сколько-нибудь серьезных мер для ее приостановки. Оно лишь время от времени проводило легализацию незаконно прибывших рабочих, чтобы придать им статус официальных иммигрантов» (Арзаканян 1989: 90–91).

Потребности крупных предприятий в рабочей силе явились важной предпосылкой социально-профессиональной стратификации населения, занятого в промышленности и других сферах производства. Значительная часть французов переместилась в более высокие социально-профессиональные слои. Среди них заметно повысилась ценность высшего образования и интеллектуального труда. Их место заняли в основном неквалифицированные рабочие-иммигранты. Например, доля иммигрантов среди рабочих страны составляла уже в начале 1980-х гг. 18 %. Иммигранты были заняты, главным образом, в таких отраслях, как строительство, добывающая, металлургическая, химическая, электронная промышленность. Здесь 41 % из них использовались как чернорабочие, в специализированных сферах производства занято было немногим более 30 %, имели статус квалифицированных рабочих примерно 25 % иностранцев (Арзаканян 1989: 91–93). Концентрация иммигрантов на крупных предприятиях стала главной причиной их компактной территориальной локализации. Около 35 % всех иммигрантов Франции в ходе так называемой цепной миграции сосредоточено в Нормандии «со всеми вытекающими отсюда последствиями в области занятости, жилья, образования, отношений с живущими по соседству представителями титульного населения» (Потемкина, Грацианская 1998: 42–43).

5. Иммигрантские гетто: социальные последствия расовой и культурной сегрегации

и

Иммигранты редко расселяются дисперсно, так как объединение в группы, создание этнических анклавов отвечает их потребностям выживания и адаптации в новой социально-экономической, политической и культурной среде принимающего общества (Kastorjano 1991: 236; Neckmann 1981: 42). В соответствии с этим «правилом миграции» значительная доля иммигрантов-рабочих концентрируется в пригородах Парижа, Марселя, Лиона и других промышленных центрах страны (Leveau 1991: 177–179, 184; Hoehne 1994: 121). С гуманитарной точки зрения, это самые обездоленные кварталы французских городов наших дней. Здесь концентрируются безработные, иммигранты и молодежь. Они вполне могут быть сопоставлены с трущобами и пролетарскими «гетто» Европы XIX в. (Погам 1999: 148).

Помимо общих социальных проблем, связанных с безработицей, образованием, здравоохранением, преступностью, насилием в иммигрантской среде, компактное расселение иностранных рабочих и, прежде всего, выходцев из Северной Африки в крупных городах страны, их пригородах, провинциальных центрах затронуло интересы различных социальных групп коренного населения. Оно коснулось не только рабочих, в среде которых произошло заметное расслоение по уровню квалификации, дохода и стабильности социального положения (Графмейер 1999: 165), но и среднего класса Франции. «Французские города,— указывает французский социолог Р. Лево, — так же, как и американские, стали многонациональными. Концентрация иммигрантов в пригородах и тех частях городов, где традиционно проживал средний класс Франции, существенно снизила цены на недвижимость, так как французы стали покидать их. Недвижимость перестала приносить прежний доход» (Leveau 1991: 177).

Отток французов из районов их совместного проживания с неевропейцами позволяет говорить о том, что иммиграция рабочей силы сменилась здесь миграцией населения. Жилищный фонд, освобождающийся вследствие переезда более обеспеченных категорий прежних жителей, все чаще занимается семьями иммигрантов из других стран. Они поселяются в самых старых, фактически полуразрушенных домах. Их заставляет это делать нищета, отсутствие средств на уплату аренды, отсутствие необходимого образования и постоянного места работы. У этой части населения критерий социально-профессиональной самоидентификации либо отсутствует вовсе, либо очень невысок. В значительно «большей

степени, чем по роду деятельности, они различаются географическим или этническим происхождением, семейным положением, жизненными путями и самой возможностью экономической интеграции» (Графмейер 1999: 165).

Территориальное обособление в пределах городских агломераций, расовые и культурные особенности иммигрантов затрудняют процесс их включения в общество. Эти факторы способствуют также ухудшению отношений между ними и французским национальным большинством. На этом фоне в среде иммигрантов происходит усиление исламского фундаментализма, а среди французов все большее распространение получает правый экстремизм и межэтническая неприязнь (Hoehne 1994: 121–122). Механизм взаимной сегрегации усиливается различными практиками высших и средних классов, направленными на то, чтобы избегать учреждений, например, школ, со слишком сильной концентрацией детей из народа или иммигрантов (Погам 1999: 148). Полевые материалы, собранные нами в Германии, подтверждают наличие аналогичной ситуации и в этой стране.

6. Иммиграция и проблемы социальной стабильности французского общества в 1980–1990-е гг.

Проблема иммиграции, таким образом, долгое время остававшаяся во Франции на периферии политической жизни, в начале 1980-х годов оказалась в центре внимания политиков. В связи с этим в научных, политических и общественных дискуссиях Франции этого периода были поставлены вопросы о социальной стабилизации общества, сохранении исторически сложившегося единства народа, французской гражданственности, подвергшихся разрушительному воздействию этнокультурной плюрализации. Однако интеграция иммигрантов рассматривалась при этом с позиции профилактики смешения культур (Балибар, Валлерстайн 2004: 35). Иммигранты отчетливо подразделялись на две категории: одни из них, стремившиеся к постепенной интеграции во французское общество, позитивно воспринимались общественным мнением, другие, избравшие по ряду причин стратегию обособления, рассматривались как олицетворение угрозы, потенциальной конкуренции за социальные блага и, как следствие, социальной нестабильности и межэтнической конфликтности.

Первую группу «лояльных» иммигрантов составляют выходцы из разных стран, в том числе, из государств Магриба, которые во втором-третьем поколении сменили свой язык, идентичность на французские, т. е. приняли гражданство, национальную принадлежность во французском — социально-политическом понимании этого термина (Sraleb 1991: 214). Некоторые из них, происходящие из интеллигентской части элиты государств Северной Африки, много внимания уделяют получению образования. Они изучают, как правило, социальные науки, культуру Франции и только с этой страной связывают свое будущее. Это наиболее приемлемая стратегия интеграции в принимающее общество, определяющая особенности коммуникации иммигрантов и их потомков с обществом, от которого они себя уже не отделяют. Трудности, связанные с социокультурной адаптацией, повышением социального статуса, не вызывают резкой смены стратегий социального взаимодействия: они нивелируются повышенной толерантностью и пониманием социально-психологических особенностей французского общества, специфики межкультурного и межрасового взаимодействия в полиэтнических средах.

Образованные иммигранты работают в основном в социальной сфере. Активизация фундаментализма вызывает у них опасения в плане его воздействия на иммигрантов-мусульман (Leveau 1991: 174). Между тем, имея доступ к государственным структурам, иммигранты-неевропейцы становятся референтными персонами для организации и деятельности объединений иммигрантов. «Лидеры групп, получающие от государственных

органов сведения о «правилах социальной игры» в тех или иных социально-политических ситуациях, имеют возможность в интересах своих групп манипулировать общенациональными социальными ценностями. Это облегчает им мобилизацию группы» (Kastorjano 1991: 237).

Другая часть иммигрантов, постоянно испытывающая дискриминацию в повседневной жизни, в государственных учреждениях, реализует стратегию внутригрупповой мобилизации и интеграции на основе этнических, религиозных ценностей своего народа. Обособление иммигрантов-неевропейцев усугубляется также и тем, что контакты с французской культурой вызывают у многих из них состояние «культурного шока» и способствуют развитию религиозности. Для них этническая группа и внутригрупповая солидарность выступают одним из главных инструментов защиты от деструктивного воздействия внешней среды, отстаивания их социальных и этнокультурных прав. «Индивиды и семьи вынуждены организовываться, чтобы избежать стигматизации или хотя бы сопротивляться ей» (Погам 1999: 151).

7. Иммигрантские меньшинства как социальные акторы: от государственной политики «интеграции» к стратегии культурной и социально-политической самосегрегации

Стратегия обособления от национального общества и государства для ряда групп стала причиной того, что они, сохраняя внутреннее единство, все больше отдалялись от государственных административных структур, замыкались в границах группы и отгораживались от общества. Они исключили себя из действующей системы жизнеобеспечения. Они чаще других иммигрантов являются безработными. Они утратили связи с образовательными учреждениями. В их среде свирепствуют болезни. Они живут в полуразвалившихся домах. В этих обстоятельствах политическая сфера, посредством которой они могли бы решить свои проблемы, остается для них практически недостижимой (Vukow 1996: 186–187). Вероятно, по этим причинам дети поджигают школы и детские сады, ведь для некоторых из них (в силу разных обстоятельств) они попросту недоступны.

Единственным «публичным» консолидирующим фактором группы является в этом случае ислам. При поддержке религиозной общины можно отстаивать свои права и защищаться от ассимиляционного давления государства, этнического «растворения» во французском обществе (Leveau 1991: 174–175; Sraleb 1991: 212). Важнейшие функции религии, таким образом, состоят не только в обеспечении культурной идентичности, усилении мобилизационного потенциала иммигрантов, но и в сохранении привычного, привнесенного во французское общество с родины, образа жизни и морали. Как правило, наиболее радикальную часть иммигрантского населения, приверженную исламу, составляет молодежь. Молодые люди готовы силой отстаивать будущность своей этничности и культуры, как составных, но обособленных частей культуры и идентичности французского общества. Заметим, что эта стратегия была предложена официальной Францией. В среде пожилых людей, принадлежащих к первой волне иммиграции, подобных взглядов придерживаются немногие. В основном те из них, кто так и не смог интегрироваться во французское общество и принять французскую культуру как свою (Leveau 1991: 174).

8. Между гражданской и этнической идентичностью

Несмотря на то, что потомки иммигрантов во втором и третьем поколениях, родившиеся во Франции и достигшие совершеннолетия, имеют право на основе принципа *Jus soli* («права земли») получить французское гражданство (Takenaka 1994: 345), из чувства протеста против

культурной, социальной и расовой дискриминации они либо отказываются от него, либо идут на это весьма неохотно. У многих из них французская идентичность слабо оформлена, зато развито этническое самосознание и культурная идентичность, детерминированная исламом (Rey 1995: 95). Кроме того, люди старшего поколения обычно бывают против того, чтобы их дети и младшие родственники юридически меняли свою национальность. Это требование особенно широко распространено среди выходцев из Африки. «Они рассматривают французов как бывших колонизаторов и считают, что принять французское гражданство означало бы предать свой народ» (Арзаканян 1989: 98).

Для человека, постоянно проживающего в окружении соплеменников в чужой стране и не имеющего никаких шансов иначе организовать свое общение и свою жизнь, смена этнической идентичности и конфессии представляется делом практически немислимым. Трудности, которые испытывает человек при смене идентичности (в данном контексте гражданства), весьма показательны и имеют, на наш взгляд, широкое распространение. Так, например, в Японии в настоящее время проживают довольно многочисленные группы корейцев — 600 тыс. человек и тайваньцев — 100 тыс. человек, которые сформировались в этой стране уже 2–3 поколения назад. Лишь немногим из них удалось получить гражданские права, причем с большими трудностями, поскольку помимо преодоления неодобрительного мнения соплеменников они должны были противостоять и негативной оценке их поступка со стороны японцев, для которых смена идентичности является не чем иным, как предательством своего народа (Takenaka 1994: 347). Именно это обстоятельство является одним из наиболее значимых в тех случаях, когда молодежь отказывается от гражданских прав, требуя институционального признания коллективных прав этнической группы и ее равноправного, но раздельного сосуществования с французским этническим большинством. Иными словами, они хотят интегрироваться в национальное общество на правах коллективного членства. С этой целью новые этнические меньшинства стремятся «модифицировать» законы принимающего общества, которые должны, по их мнению, полнее отвечать их специфическим гражданским и этнокультурным запросам (Kymlicka 1995: 11). На этом социальном и культурном фоне общественное мнение обвиняет меньшинства в нежелании интегрироваться, упрекает в обособлении от национального большинства и уклонении от его общенациональной идентичности.

В политической сфере недовольство части французов было поддержано Национальным фронтом — праворадикальным националистическим движением, которое поставило вопрос об ограничении притока иностранных рабочих и их обязательной интеграции. Его сторонники требуют остановить иммиграцию, выдворить нелегальных иммигрантов и социально опасные элементы. Другая часть иммигрантов, которая уже долго живет во Франции и вполне согласилась с положением «неприметных граждан», должна быть интегрирована и ассимилирована, как это было в прошлом (Hoehne 1994: 123).

К сожалению, в повседневном общении представители национального большинства по причине своего привычно-негативного отношения к этническим и религиозным меньшинствам недостаточно хорошо различают «лояльные» и «нелояльные» группы иммигрантов, подвергая и одних, и других унижительной дискриминации. Эмоциональная суггестия давления части французского общества на иммигрантов как главный источник социального напряжения часто переходит в открытый конфликт (Flohr 1994: 41). Последний находит свое выражение в том, что на «новые» этнические меньшинства перекладывается большая часть ответственности за те опасения перед будущим, которые испытывает национальное большинство на фоне роста безработицы, утраты многими его членами бывшего социально-экономического статуса, недостатка и дороговизны жилья, социальной защищенности, невозможности получить хорошее образование. С социологической точки

зрения это означает, что равноправное «членство в обществе находится для них под вопросом (Bukow 1996: 12).

Особенно заметной подобная оценка дезинтегрирующей и дестабилизирующей роли этнических групп иммигрантов заметна в местах их концентрации, т. е. в промышленных районах, где уже в 1985 г. около 31 % рабочих-французов, по данным социологических опросов французских ученых, симпатизировали расистским идеям Национального фронта Ж. Лепена (Арзаканян 1989: 100–101; Verbunt 1990: 81). Как отмечает К. Флор, Национальный фронт нашел поддержку в тех районах страны, где доля иммигрантов в структуре населения довольно велика. Например, в Эльзасе, где правительство поселило в 1950–1960-е гг. многочисленных иммигрантов из Магриба (Flohr 1994: 42). В целом по стране расовую неприязнь к иммигрантам-неевропейцам испытывают 24 % населения (Потемкина, Грацианская, 1998: 78). Комментируя подобный ход развития событий, невольно приходишь к опасной мысли, что в настоящее время в полиэтнических обществах возможна только одна модель взаимодействия, состоящая в противопоставлении коренного населения государства и иммигрантов.

Пространственная локализация иммигрантов существенно повышает, таким образом, возможности их этнической мобилизации, концентрации сил для достижения своих социальных и политических целей. Территории совместного проживания французов и «нефранцузов» становятся в силу этого зонами социальных деструкций и конфликтов. Об этом свидетельствуют события последних лет, происшедшие во Франции. Пригороды Парижа, Лиона, Марселя и других городов страны, в которых сосредоточены иммигранты (Фадеева 1990: 76), переживают конфликты между «новыми» этническими группами и французами, принимающими форму массовых выступлений магрибской молодежи. Эти конфликты мало чем отличаются от межрасовых столкновений в США. В крупных городах происходит геттоизация городских кварталов, из которых выезжают французы и которые обходят стороной полицейские. В таких кварталах этнические группы иммигрантов предоставлены сами себе. В их границах развивается исламский экстремизм и возрождается полигамия (Lipp 1994: 106).

9. Право на различие: символическая инверсия стигмы

Как уже отмечалось, оценка групп иммигрантов как этнических и отделенных от национального большинства, стала важным поворотным моментом в идеологии и политике Франции не только по отношению к мигрантам, но также по отношению к будущему французской нации, судьбам ее национальных или культурно-языковых меньшинств. Ее важным компонентом стало требование «права на различие», на отделение собственно французов от иммигрантов. Эта оценка явилась также свидетельством того, что политика неконтролируемой иммиграции ведет, как правило, к драматическим социальным последствиям. Главным аргументом против нее является то, что иммиграция во Франции так и не стала частью политической мифологии. Вместо создания единой истории и общей с мигрантами национальной мифологии, в общественном мнении поддерживался миф о возвращении иммигрантов на родину. Однако в условиях этнокультурной плюрализации общества, взаимного противостояния иммигрантов и коренного населения, миф о «рабочем-госте», долгие десятилетия выполнявший функцию социально-психологического буфера в отношениях между новыми этническими группами и национальным большинством, способствовавший поддержанию идеи нерушимости политического и культурного единства французской нации, даже в этом своем значении потерпел полное фиаско.

Впрочем, и сама иммиграция как социальный и культурный феномен приобрела среди неевропейских групп населения страны новую трактовку. Смена этнической и культурной

идентичности перестала пониматься как необходимое и неизбежное последствие проживания в чужой стране. Формирование замкнутых этнических анклавов удовлетворяло потребности их членов. Способы коммуникации индивидов отвечали нормам группы. Их принадлежность к особому этнокультурному коллективу определялась такими параметрами, как язык, религия, происхождение, семья, идея возвращения на этническую родину. Группа выступала гарантом известной автономии индивида в иной этнокультурной среде, предложив групповые нормы и ценности в качестве базовых для организации коммуникативных стратегий как внутри группы, так и за ее пределами.

Иммигранты из Туниса, например, рассматривают себя в качестве посланцев своей страны во Франции. С их точки зрения, идеальный иммигрант — это человек, который постоянно чувствует связь с родиной. «Единство работы, семьи и чувства родины — это решающие критерии для определения хорошего иммигранта из Южного Туниса» (Sraieb 1991: 215, 218–219).

Новые тенденции социального и культурного развития в иммиграционной среде особенно отчетливо продемонстрировали неготовность Франции, ее правительства к радикальным изменениям в культурной сфере и идеологии (Куропятник 2000: 90–115). Одновременно они знаменовали собою начало периода важных перемен в жизни французского общества, политическая и социальная интеграция которого стала все больше напоминать сценарий этнокультурной мобилизации, проявляющейся в социальном действии, присущем этнонационалистическому сообществу. «Новые правые» все чаще определяют коллективную идентичность в смысле этничности, культурного наследия, традиции, особого мировоззрения, идентичности, поведенческих особенностей. По их мнению, этничность и культура неразрывны, поэтому они должны иметь собственную нишу или страну локализации (Stolcke 1994: 40–41). С социологической и антропологической позиций «синкретизм» культуры и этничности опасен как с теоретической, так и практической точек зрения. Обеспечение социальной стабильности полиэтнического общества предполагает разрешение ряда методологических трудностей, а именно преодоления опасности представления культуры как достояния этнической группы или расы, устранения тенденции «материализации культуры» как самостоятельной сущности, преодоление риска акцентирования внутренней гомогенности культуры, эндогенных, разворачиваемых моделей ее развития (Turner 1993: 411; Гидденс 2003: 241).

10. Государство и религия: иммигранты как трансэтническое исламское сообщество

Отчетливое противостояние национального большинства и групп иммигрантов, особенно из стран Северной Африки, дестигматизация ситуации иммиграции привели к тому, что идея сообщества как важнейшей формы объединения иммигрантов, окончательно сомкнулась с исламской идеологией. Синкретизм идеи социальной группы и религии получил развитие в области политики. С одной стороны, численный рост групп иммигрантов-неевропейцев до нескольких миллионов человек, известная компактность расселения, общая религия, расовые особенности, стигматизация национальным большинством позволили им заявить о своих притязаниях на особое место во французском обществе. В отличие от индивидуализированного и социально «аморфного», с традиционалистской точки зрения, французского национального большинства, объединения иммигрантов интегрируются здесь межпоколенными связями и отношениями в «своих» границах. Историческая сопричастность иммигрантов второго, третьего и четвертого поколений к судьбам принимающего государства позволяет им требовать правовой защиты их коллективных интересов. Тем самым они на государственном, общенациональном уровне презентуют свое сообщество как особое (Kastorjano 1991: 236–237), но имеющее прямое отношение к французскому

государству. С другой стороны, стал набирать заметную интегрирующую, политическую силу религиозный фактор. Вследствие этого фундаментальным основанием, важнейшим стимулом и оправданием этих притязаний стал ислам (Leveau 1991: 172).

Отношения между мусульманскими общинами, государством, католической церковью и французским обществом складываются непросто. Основная причина противоречий заключается в том, что мусульмане требуют официального признания ислама религией части французского общества. Эта борьба разворачивается во Франции в условиях, когда официальная католическая церковь утратила, по существу, свою роль в формировании коллективной идентичности населения. Исторически «религиозная эмансипация общества была направлена на политическое построение государства» (Уолцер 2000: 54). Усиление «приватизации» религиозной жизни способствовало ее исключению из публичной сферы. Следствием этого стало постепенное разложение «приходской культуры», локальных религиозно-территориальных сообществ французов.

Свои отношения с религиозными группами мусульман католическая церковь строила на том, что до начала 1980-х гг. сдавала в аренду свои помещения, пустовавшие из-за отсутствия достаточного количества верующих-французов, исламским общинам, которые использовали их для собраний и отправления религиозных служб. Однако, несмотря на то, что официальное духовенство мотивировало свои действия экуменическими соображениями, подобная позиция вызвала резкие протесты среди верующих-католиков, что стало одной из причин отказа мусульманам в помещениях. Другой причиной «охлаждения» отношений между двумя конфессиями явилось то, что «церковная благотворительность» была воспринята мусульманскими общинами как проявление слабости католицизма и попытка интеграционного давления на них.

Отчасти это объясняется тем, что во Франции религия уже давно утратила свою роль в формировании коллективной идентичности. Ислам предложил иную — несравненно более высокую трактовку социальной и политической роли религии, ее значения для индивидуального и коллективного конструирования религиозной идентичности, подтверждаемой различными формами личностной, этнической, социальной и национальной принадлежности (Martinello 1998: 912). В сложившейся ситуации официальная церковь более четко определила свое отношение к исламу, заявив о невозможности его официального признания как религии французов. «Во Франции острый вопрос интеграции ислама, ставшего в национальном пространстве второй религией, или вопрос контроля за «сектами», — пишет Д. Эрвье-Леже, — отражает очевидное несовершенство французской модели светского общества» (Эрвье-Леже 1999: 240). Требования строительства мечетей вызывает у государства серьезные опасения в том плане, что они могут стать центрами развития исламского фундаментализма. Кроме того, мечеть может означать окружающую территорию как исламское пространство (Kastorjano 1991: 239), что, вероятно, может быть связано с идеей социального присутствия церкви через ее территориальное влияние.

Религиозный фундаментализм для мусульман и «официальный национализм», не лишенный налета религиозности, для части французского национального большинства, в новых социально-политических условиях 1990-х гг. стали представлять в глазах членов этих сообществ абсолютные ценности, которые «по природе своей нетолерантны и не допускают компромиссов» (Blomert 1991: 115). В той же мере, в какой мусульмане-иммигранты используют ислам для противодействия ассимиляционному воздействию французского общества, некоторые группы французов, придерживающиеся расистских идей, демонстрируют фанатизм, ксенофобию по отношению к исламу и мусульманам. С их точки зрения, принадлежность к нации — это не только признание республиканских ценностей и норм, но также и признание французского языка, культуры, традиций и мировоззрения. Однако на практике в среде иммигрантов эти требования не имеют особого значения. Именно

поэтому современный французский расизм содержит такой мощный антиисламский потенциал (Bourne 1994: 145).

Некоторую разрядку напряженности в отношениях между государством и иммигрантами принесла политика децентрализации, реализуемая во Франции с 1982 г. Законы о децентрализации 1982, 1983 гг. предопределили отношения между государством и органами территориального самоуправления. Ее сущность состоит в том, что регионы, мэрии крупных городов получают определенную самостоятельность в осуществлении своей экономической, социальной и культурной политики. Одновременно повышается роль местного самоуправления. С 1982 г. муниципалитеты становятся реальной местной властью (Графмейер 1999: 162).

Децентрализация оказала также положительное влияние на увеличение представительности, свободы самовыражения, отстаивания группами своих интересов (Парсонс 1998: 137). Политика правительства, исходившая из того, что основная масса организованных форм социально-культурной активности иммигрантов имеет региональный и локальный характер, позволила государственным органам предпринимать попытки «действительной интеграции» или культурного синтеза, характерного для культурно-интегрирующегося общества. Кроме того, она оказала стимулирующее воздействие не только на регионы страны, но явилась продуктивной и на уровне локальных социально-территориальных образований, местных этнических и культурно-религиозных общин. На локальном уровне иммигранты получили наибольшую поддержку в тех городах, где они составляют значительную часть населения и где в управлении стоят коммунисты (на территории Франции коммунисты возглавляют более 55 % местных мэрий). Например, в Сен-Дени более 25 % сотрудников аппарата городского управления состояли из иммигрантов (Leveau 1991: 178). В Марселе и Лионе также были предприняты меры по символическому признанию прав иммигрантов.

Усиление социальной, политической и религиозной активности новых этнических меньшинств привело к созданию внутригрупповых и межгрупповых социальных институций: негосударственных организаций, фондов поддержки иммигрантов, которых во Франции насчитывается около пятидесяти. Наиболее важными из них, имеющими статус общенациональных, являются: «Турецкое исламское культурное объединение», «Марокканское культурное объединение», «Объединение мигрантов второго поколения», «Поколение 2000», созданное при городском управлении Парижа, «Объединение тунисских рабочих», «Объединение французских мусульман», «Объединение сенегальцев, живущих в Нанте», «Объединение алжирцев, живущих во Франции» и т. д. Организации иммигрантов выполняют следующие важные социальные, культурные, религиозные и социально-психологические функции: оказание социальной помощи в решении жилищных проблем, профессионального образования, изучение французского языка, изучение родной культуры и языка, международная интеграция иммигрантов, выходцев из одной страны, поддержка религии. Эта деятельность поддерживается специальными фондами миграционных организаций, а также частными пожертвованиями (Kastorjano 1991: 244–258).

11. «Сообщество» как форма социального развития современного общества?

Актуализация идеи сообщества как фундаментального принципа организации взаимодействия между обществом и этнической группой в современной Франции поставила еще одну важную проблему, с которой сталкиваются почти все современные европейские государства. Вопрос состоит в определении и инструментальном применении основного принципа, на базе которого могут осуществляться разнообразные стратегии и модели социальной интеграции. Речь идет об индивидуализме как социальном феномене,

затронувшем практически все страны так называемой «западной цивилизации», роль которого в новых условиях «мультикультуральной реальности» не может быть оценена однозначно позитивно. Его воздействию подвергается все большее количество людей, ориентирующихся на самостоятельное достижение социальных позиций, профессионального роста и материального благополучия без помощи этнического коллектива или иного аналогичного сообщества. Коллективные усилия в этих направлениях, предпринимаемые иммигрантами, нередко оказываются более эффективными, следовательно, присоединение индивида к коллективу дает ему преимущества (Парсонс 1998: 137). В этом случае социальная конфликтность между индивидуализированным большинством и этническим (культурно-языковым, религиозным) меньшинством проявляется тем больше, чем сильнее их взаимосвязь в обществе, чем больше точек или сфер соприкосновения они имеют без соответствующей культурной интеграции (Bukow 1996: 13). Сущность и постоянная опасность конфликта в современном европейском обществе состоит в том, что группа, отклоняющая индивидуальность, находится внутри общества, в котором индивидуализм является нормой.

В этой связи важно подчеркнуть, что в той мере, в какой французское общество становится все «более этническим», в нем нарастают центробежные силы, которые пронизывают этнические группы и проявляются во все большей социальной агрессивности. Складывается представление, что механизм их взаимной изоляции намного сильнее, чем механизм интеграции.

Религиозное исламское сообщество олицетворяет собой своеобразный протест против социальной и культурной фрагментации урбанизированного индустриального общества. В сущности, это открытая манифестация противостояния между современной и «традиционной» формами культуры, «симбиоз» которых явился основным результатом иммиграционных процессов. Проблема усложняется еще и тем, что сосуществование разнородных культурных конгломератов иммигрантов, сформировавшихся сравнительно недавно, и известной целостности национальной культуры не позволяет их носителям оценивать друг друга в терминах культурно-языковой или государственно-политической сопричастности; эта граница между ними остается весьма отчетливой. «Досовременные» компоненты культуры в этнических группах иммигрантов выполняют функцию некоего стабилизатора, информационного и коммуникативного «фильтра», своеобразной точки отсчета в динамично меняющемся мире. И если раньше значительная часть иностранцев сама стремились к ассимиляции, чтобы улучшить свое экономическое и социальное положение, «почитая за счастье иметь возможность называться французами» (Уолцер 2000: 55), то сегодня многие иммигранты не хотят растворяться во французском обществе, а, напротив, стремятся культивировать свои обычаи. Особенно сильно подобная стратегия межкультурной и, шире, социальной коммуникации (Bukow 1996: 15–21) проявляется у алжирцев, марокканцев, выходцев из Туниса, имеющих не только культурно-религиозные, но также и расовые отличия от национального большинства страны. «Эти группы, отчасти из-за своего размера, отчасти из-за смены идеологического климата, — пишет М. Уолцер, — начали подвергать сомнению республиканский идеал, проверять его на прочность. Они обладают собственными культурами и желают сохранять и воспроизводить их; они уже не проявляют той же готовности, что и их предшественники, отдавать своих детей в государственные школы, проводящие политику «офранцузивания». Они желают признания себя в качестве группы и хотят, чтобы им публично разрешили выступать в этом качестве» (Уолцер 2000: 56).

Усиление перспективы этнокультурного развития и воспроизводства этнокультурных групп иммигрантов свидетельствует о том, что в самой Франции культурные устои

претерпевают существенную трансформацию, и справиться с проблемой интеграции новых культурных религиозных групп она уже не в состоянии.

Уже к началу 2000-х гг. стало очевидным, что этнокультурная плюрализация страны, «мультикультурализм», вызванный иммиграцией, вошли в противоречие с идеей закрытости и социальной завершенности французского общества. Франция фактически стала мультикультуральным обществом, а ее многочисленные этнические группы иммигрантов, не желающие стать «незаметными» в этнокультурном отношении гражданами страны, привносят не только в национальную культуру, но в национальную идентичность новые грани, которые вырабатываются ими на локальном уровне (Martinello 1998: 912). Это отразилось, с одной стороны, на признании частью французов социальной релевантности, актуальности идеи французского сообщества, обладающего партикулярными параметрами, с другой — на «его стремлении к сохранению старых форм культуры и на ограничении различных, культурных нововведений» (Балибар, Валлерстайн 2004: 35; Thadden 1991: 593–594).

В этом плане главную «угрозу» французскому обществу представляет ислам и, соответственно, опасность религиозного мусульманского фундаментализма. Оба эти фактора являются важнейшими социальными маркерами оценки состояния общества, перспектив его развития в рамках Европейского Союза как транснационального общества, открытого мультикультуральной перспективе, обладающего высоким уровнем толерантности, открытости по отношению к этническим и культурным группам населения, национальным меньшинствам. Впрочем, даже при такой постановке проблемы было бы неправильным ожидать, «что французская нация в ближайшее время сможет изменить свой характер» (Schulze 1982: 54).

12. Проблема мультикультурального выбора

Возвращаясь к текущим событиям во Франции, отметим, что процессы этнокультурной плюрализации этой страны, возникновение новых групп этнических меньшинств в результате иммиграции, их дискриминация и социальная сегрегация, обеспокоенность национального большинства своим будущим являются основными причинами того, что межкультурная коммуникация, толерантность французского общества подвергается весьма серьезным испытаниям. Особенно заметен неконструктивный тип взаимоотношений между национальным большинством и этническими группами. Он проявляется в зонах наибольшей концентрации иммигрантов: в непрестижных кварталах городов и пригородах. В них неблагоприятные социально-психологические стереотипы во взаимной коммуникации обусловлены не столько культурными или этническими различиями, сколько комплексом социальных и экономических проблем, известной исключенностью мигрантов из французского общества в том смысле, что для подавляющего их большинства материальное благополучие, социальная защищенность, образование, карьера являются практически недостижимыми. Социальные проблемы такого рода обсуждаются в рамках современных концепций мультикультурализма. Однако позиция французского государства в этом вопросе весьма неопределенна.

С одной стороны, мультикультурализм неприемлем для Франции потому, что подрывает национальные традиции политического смысла гражданства, означающего отход от этнической общности, с ее тяготением к национализму и даже расизму (Парсонс 1998: 124, 158). С другой стороны, он показывает стремление государственной идеологии к «культурному унитаризму», к устранению организованных форм культурной, религиозной жизни иммигрантов из французской действительности, как не отвечающих культурным традициям, ценностям и моральным устоям французского общества. В этом плане Париж как

олицетворение жесткой, централизованной культурной системы страны имеет для ее населения и отдельных регионов такое национально-идентификационное значение, «какого никогда не имел, например, Берлин для населения прусского государства» (Thadden 1991: 500, 505).

Таким образом, государственный уровень решения проблемы иммиграции и ее последствий для общества сводится к ее игнорированию и непризнанию. Непризнание как политический принцип относится к культуре, языку, религии иммигрантов как составных, равноправных частей культуры французского общества. Эти действия французского государства свидетельствуют о том, что центральная культурная система Франции пока еще сохраняет свой интегративный потенциал, но она не в состоянии уже справиться с культурной инаковостью значительной части населения.

При этом следует, вероятно, вести речь не о «борьбе культур» — французской и нефранцузской, а о борьбе идеологических конструкций культуры, т. е. о таких формах самоконцептуализации, когда стигма становится предметом гордости и выражением человеческого достоинства. Сообщества иммигрантов уже восприняли опыт расовых движений в США с их лозунгом «Черное прекрасно». Тем самым они получили в руки такой инструмент борьбы, который позволяет им не особенно размышлять о том, должны они или не должны принять условия и правила господствующей культурной традиции в принимающем обществе: у них есть собственная культура, своя мораль, своя религия и свои правила поведения. Они не собираются покинуть общество и страну, которая фактически является их родиной. Но они готовы перейти к различным формам социального протеста, к действию, чтобы отстоять свое видение будущего страны и государства, в том числе в категориях своей культуры. Это своеобразный «расизм наоборот», или неорасизм, который не нуждается ни в расе, ни в культуре как символах категоризации — это технология интеллектуальной подмены одних ценностей другими (Балибар, Валлерстайн 2004: 32–33). Следует, однако, помнить, что ни расизм, ни этнонационализм ни одному движению, ни одному правительству не позволили создать прочное государство.

Сегодня уже нет вопроса, какая из стратегий будет доминировать. Современное развитие Франции и других национальных государств Европы и Америки происходит в направлении все возрастающей этнокультурной плюрализации. Этот глобальный процесс стимулирует усилия государств и их правительств в направлении поиска новых моделей, технологий интеграции поликультурных и полиэтнических обществ. Во Франции эта работа только начинается. Основные проблемы современного состояния и развития французского общества можно в самом общем виде сформулировать так: готово ли французское общество принять идею многорасового, поликультурного общества, принять ислам как одну из признаваемых государством религий, и каковы будут последствия этого признания для французской национальной культуры и национальной идентичности? Может ли во Франции идея мультикультурализма переступить границу научной категории и стать инструментом новой национальной политики государства? Удастся ли ему решить центральную проблему современности, состоящую в соотношении культурных различий с формальным политическим и культурным равноправием?

Заключение

События, происходящие во Франции в эти дни, открывают новую страницу в европейской и мировой истории. По силе своего воздействия на мировое сообщество их можно сравнить с событиями 11 сентября 2001 г. в США.

Выступления в городских кварталах имели место и раньше, но они носили локальный характер. Исключением являются лишь расовые волнения в США в 1960-е гг. Их

последствия для этой страны и всего мира хорошо известны. В случае Франции, вероятно, имеет место формирование крупномасштабного сценария дестабилизации ситуации в национальных обществах Европы, наряду с попыткой транснациональной интеграции иммигрантских религиозных, культурных и этнических общин. Этот сценарий будет оставаться актуальным неопределенно долго по тем же причинам, по которым российский Северный Кавказ все больше втягивается в «религиозно-этнический» конфликт и социально-политическую нестабильность. Ужесточение полицейских мер национальными правительствами в контексте борьбы с международным терроризмом уже вызвало недовольство этнических общин в странах Западной Европы. Но особенно опасным оно может стать в случае взаимного наложения этих мер и ситуации дискриминации, безработицы, этнокультурного подавления меньшинств, отрицания религии как моральной и культурной ценности. Усиление правых, националистических движений в европейских странах делает подобные опасения вполне реальными.

В связи с этим, может быть, кому-то и захочется повторить выводы одного из первых социологических исследований алжирской иммиграции в Европе: «Они живут на периферии общества. Они сильны. Они привержены своему происхождению и могут пройти по Европе тяжелой поступью. У этой группы еще отсутствует согласованная организация, действенная внутренняя структура, какими обладают другие иммигранты. Но они образуют в городских кварталах мини-гетто, в которых они живут, и рассматриваются французами как этническое меньшинство» (Wenden 1991: 231). Однако научный, действительно цивилизованный подход в этой проблеме предполагает иную постановку задачи. Мы полагаем, что национальным государствам, ученым, обществам предстоит еще и еще раз вернуться к обсуждению проблемы мультикультурализма, иммиграции и ее социальных последствий. Обсуждение это будет непростым для всех, но особенно трудной эта задача будет для Франции с ее несовременными оценками ассимиляционной мощности национального государства.

Литература

- Актон Л. Принцип национального самоопределения // Нации и национализм. М.: Праксис, 2002.
- Арзаканян М.Ц. Иммигранты во Франции // Расы и народы. 1989. Вып. 19.
- Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М.: Логос, 2004.
- Бузар У. Многообразные формы кризиса, различные виды детерминизма и культурные конфликты в современном Алжире // Полиэтнические общества: проблемы культурных различий / Под ред. С.В. Прожогойной. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2004.
- Вивьерка М. Коллективная разность или смешение? // Полиэтнические общества: проблемы культурных различий / Под ред. С.В. Прожогойной. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2004.
- Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1990.
- Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. М.: Академический Проект, 2003.
- Графмейер И. Социологические исследования города // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. II. Современная французская социология. Специальный выпуск.
- Клакхон К. Зеркало для человека. Введение в антропологию. СПб.: Евразия, 1998.
- Куропятник А.И. Мультикультурализм: проблемы социальной стабильности полиэтнических обществ. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000.
- Лебон Г. Психология народов и масс. СПб.: Макет, 1995.
- Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1998.

Погам С. Исключение: социальная инструментализация и результаты исследования // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. II. Современная французская социология. Специальный выпуск.

Потемкина О.Ю., Грацианская Н.Н. Основные тенденции современных миграционных процессов в Западной Европе: проблемы политики и этносоциальной адаптации // Этнические проблемы и политика государств Европы / Отв. ред. Мартынова М.Ю., Грацианская Н.Н. М.: Старый Сад, 1998.

Сиджански Д. Федералистское будущее Европы. От Европейского сообщества до Европейского союза. М.: Изд-во РГГУ, 1998.

Уолцер М. О терпимости. М.: Идея-Пресс, 2000.

Фадеева Т.М. «Новые правые» и их роль в выработке стратегии правой оппозиции // Франция глазами французских социологов. М.: Наука, 1990.

Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. СПб.: Алетейя, 1998.

Эрвье-Леже Д. Социология религии во Франции: от социологии секуляризации до социологии современной религиозности // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. II. Современная французская социология. Специальный выпуск.

Blomert R. Wandlungen des «Wir — Gefuehls» am Beispiel des Nationalismus // Das Fremde / (Hrsg) Schaeffter O. Opladen, 1991.

Bourne J. Rassismus in Grossbritannien — Grossbritannien in Europa // Frauen zwischen Grenzen. Rassismus und Nationalismus in der feministischen Diskussion / (Hrsg) Uremovic O., Oerter G. Frankfurt; New York, 1994.

Brubaker R. Citizenship and Nationhood in France and Germany. London: Harvard University Press, 1996.

Bukow W.-D. Feinbild: minderheit zur Funktion von Ethnisierung. Opladen, 1996.

Eichberg H. Nationale Identitaet. Entfremdung und nationale Frage in der Industriegesellschaft. Muenchen — Wien, 1978.

Flohr A.K. Fremdfeindlichkeit. Biosoziale Grunddugen von Ethnozentrismus. Opladen, 1994.

Galembert C. Die katholische Kirche und die Muslime in Frankreich // Migration und State / (Hrsg) Leveau R., Ruf W. Muenster, 1991.

Gebauer G., Taureck B., Ziegler T. Auslanderfeindschaft ist Zukunftfeindschaft Plaedyor fuer eine kulturintegrative Gesellschaft. Frankfurt am Main, 1993.

Habermas J. Vergangenheit als Zukunft Das alte Deutschland jm neuen Europa? Ein Gesprach mit Michael Haller. Zuerich, 1993.

Heckmann F. Die Bundesrepublik: Ein Einwanderungsland? Stuttgart: Klett-Cotta, 1981.

Hoffmann L. Einwanderundspolitik und Volksverstaendnis // Oesterreichische Zeitschrift fuer Politikwissenschaft. 1994. No. 3.

Hoehne R. Die Krise des Integrationprozesses in Frankreich // Zuwanderung: Bedrohung oder Bereicherung? Beitrage zur Immigration und Integration in ausgewaehlten Laendern Westeuropas und Nordamerikas / (Hrsg) Dippel H. Muenster; Hamburg: Lit, 1994.

Kastorjano R. Integration und Suche nach kollektive Identitaet von Einwanderervereinigungen in Frankreich // Migration und Staat / (Hrsg) Leveau R., Werner R. Muenster, 1991.

Kymlicka W. Multicultural Citizenship. A liberal theory of minority rights. Oxford: Clarendon press, 1995.

Lenzen D. Multikulturalism als Monokultur // Das Fremde / (Hrsg) Schaeffter O. Opladen, 1991.

Leveau R. Krise des Schleiers oder Krise der Gesselschaft? — Laizismus und Multiethnizitat in Frankreich // Migration und Staat / (Hrsg) Leveau R., Werner R. Muenster, 1991.

Lipp W. Regionen, Multikulturalismus und Europa: Jenseits der Nation? // Das Prinzip Nation in modernen Gesellschaften. Laender Diagnosen und Theoretische Perspektiven / Estel B., Mayer T. (Hrsg), Westdeutscher Verlag. Opladen. 1994.

- Martiniello M. Wieviorka's view on multiculturalism a critique // Ethnic and racial studies. 1998. Vol. 21. No. 2.
- Raschke J. Soziale Bewegungen: Ein Historisch-systematischer Grundriss. Frankfurt am Main; New York: Campus, 1985.
- Rey A. Einwanderung in Frankreich 1981 bis 1995. Opladen: Leske+Budrich, 1997.
- Schubert K. Frankreich – von der Grossen Nation zur ziellosen Nation? // Das Prinzip der Nation in modernen Gesellschaften. Laenderdiagnosen und theoretische Perspektiven / (Hrsg) Estel B., Mayer T. Opladen, 1994.
- Schulze E. Die deutsche Nation in Europa. Internationale und historische Dimensionen. Bonn, 1982.
- Sraleb N. Ein – oder Auswanderer: Die Frage nach der Identitaet // Migration und Staat / (Hrsg) Leveau R., Werner R. Muenster, 1991.
- Takenaka A. Nation und staatsbuergerschaft in Japan und Geutschland // Zeitschrift fuer Soziologie. 1994. Heft 5.
- Thadden R. Aufbau nationaler Identitat. Deutschland und Frankreich im Vergleich // Nationale und kulturelle Identitat. Studien zur Entwicklung des kollektiven Bewusstseins in der Neuzeit / (Hrsg) Geisen B. Frankfurt am Main, 1991.
- Turner T. Anthropology and Multiculturalism: What is Anthropology that Multiculturalists Should Be Mindful of it? // Cultural Anthropology. 1993. Vol. 8. No. 4.
- Verbunt G. Minderheiten und Sozialwissenschaften in Frankreich // Ethnizitat / (Hrsg.) Dittrich E., Radtke F.-O. Opladen, 1990.
- Wallerstein I. Krise als Uebergang // Dynamik der Globalen Krise / (Hrsg) Amin S., Arrighi G., Frank A.G., Wallerstein I. Opladen, 1986.
- Wenden C. Einwanderug aus dem Maghreb in der franzosischen politischen Wahrnehmung // Migration und Staat / (Hrsg) Leveau R., Ruf W. Muenster, 1991.